

СВОБОДНЫЙ ОБЩИННИК В РУССКОЙ ПРАВДЕ

Е. Д. РОМАНОВА

Тема настоящей работы — выяснение некоторых сторон положения свободного общинника в обществе Киевской Руси, как оно рисуется нам по основному памятнику социально-экономической истории XI—XII вв. Русской Правде. Определение правового положения простого свободного, и в том числе свободного общинника, во всем строе Русской Правды помогает уточнить наши общие представления о степени феодализации изучаемого общества и о конкретном характере генезиса феодализма на Руси, а также дает направление дальнейшему изучению таких вопросов, как характер общины, форма семьи, порядок наследования и т. п.

В советской медиевистике, изучающей западное средневековье, разрабатывается целый ряд вопросов, связанных с дофеодальным укладом, предшествующим феодализму и сосуществующим с ним в ряде стран Западной Европы. Изучение отдельных вопросов получило обобщение в недавно вышедшей книге А. И. Неусыхина «Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе»¹, где прежде всего разбирается положение простого полноправного свободного в дофеодальном обществе по варварским правдам. А. И. Неусыхин дает следующее определение этому положению: «В варварских правдах роль непосредственных производителей играет основная масса членов племени, обозначаемых при помощи понятия «свободный». Над ними, правда, возвышается родоплеменная и дружинная знать, а ниже их стоят полусвободные... и рабы. Социальная дифференциация, таким образом, уже налицо. Однако она не зашла еще так далеко, чтобы в целом знать превратилась в особый класс, эксплуатирующий труд свободных». Свободные тоже не живут только за счет труда рабов, но сами играют основную роль в трудовом процессе, т. е. «их положение как «трудящихся субъектов» соответствует положению непосредственных производителей в классовом обществе... Самая свобода в варварских правдах носит не только негативный характер и не исчерпывается антитезой к несвободе раба, а имеет и позитивное содержание». Далее в книге А. И. Неусыхина показано, что этим позитивным содержанием свободы «трудящихся субъектов» являются следующие права: право владения на обрабатываемый участок; право собственности на движимость; участие в окружных и сотенных собраниях и сельских сходах; право выступления на суде в качестве соприсяжников, свидетелей и судебных заседателей; право ношения оружия. «Совокупность этих прав — обязанностей, характеризующих их свободу, можно... обозначить как полноправие»².

¹ А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе, М., 1956.

² Там же, стр. 32.

В настоящей статье мы попытаемся подойти к Русской Правде с методом, разработанным к книге А. И. Неусыхина. Постараемся вскрыть основные права — обязанности свободных общинников, являющиеся позитивным содержанием их свободы как всякого простого свободного в Киевской Руси XI—XII вв.

До настоящего времени в историографии нет единого взгляда на то, под каким термином выступает свободный общинник в нашем источнике. Наиболее распространенным является мнение Б. Д. Грекова, который считал, что общинники как закрепощенные, так и свободные обозначались термином «смерд». Тем самым он предполагал, что в Русской Правде выступает перед нами общество настолько дифференцированное, что свободные общинники, которые в дофеодальном обществе еще не противопоставляются массе простых свободных, а составляют ее большинство, здесь являются низшим классом общества. Однако в последнее время появился иной взгляд. А. А. Зимин в комментариях к учебному изданию Русской Правды и Л. В. Черепнин в статье 1956 г.³ весьма убедительно, на наш взгляд, показывают, что свободные общинники в Русской Правде выступают не под уничижительным термином «смерд», а под более общими — «муж», «человек», «людин», «люди». Если мы посмотрим статьи, действующее лицо которых является без сомнения общинником, то увидим, что оно обозначается либо этими терминами, либо вообще не имеет никакого определения (по форме «аще кто...»). Именно так формулируется вообще большинство статей Русской Правды (совершенно аналогично, например, Салической правде, где действующее лицо также выступает необозначенным, по форме «*si quis...*»). Во всех этих статьях трактуются самые общие положения, касающиеся вообще каждого полноправного члена общества (что и выражает формула «аще кто»). Когда в статьях встречается какой-то определенный социальный термин, он обычно указывает на исключение из общего правила. И только термин, обозначающий, как показали А. А. Зимин и Л. В. Черепнин, свободного общинника, применяется также и для обозначения самых общих положений. Отсюда можно заключить, что общинник в Русской Правде, как и в Западных правдах, является носителем самых общих правовых норм, присущих вообще всякому полноправному свободному члену общества.

Поскольку господствующей точкой зрения в современной историографии является мнение, что свободный общинник Киевской Руси — смерд, постольку мы постараемся прежде всего проследить, пользовались ли и смерды Русской Правды хотя бы в какой-то мере правами свободного общинника⁴.

Основным показателем правового статуса свободного во всех варварских правдах является его вергельд, цена его жизни.

Этот сюжет вполне последовательно трактуется в первой же статье и Русской Правды. Статья говорит об ответственности мужа за убийство мужа, о цене жизни последнего, о его «вире».

При рассмотрении вопроса о вире требуется оговорить следующее: изучая соответствующие статьи, исследователи обращают внимание на то, что плата за убийство свободного не всегда называется вирой. В 1-й части Кр. ред. так называемой Древнейшей правды или Правды Ярослава слово «вира» вообще не употребляется, а плата за убийство

³ «Памятники русского права» (ПРП), т. I, М., 1952, стр. 140; Л. В. Черепнин. Из истории формирования класса феодально зависимого крестьянства на Руси. «Исторические записки», т. 56, стр. 235—264.

⁴ Мы не ставим задачи полностью разобрать социальный и правовой статус смерда. Проблема смерда очень сложна, разбору ее уже посвящено множество работ. Данная статья будет касаться положения смерда только, так сказать, негативно, в той мере, как это будет необходимо для более четкого определения статуса свободного.

называется или платой «за голову» (в первой части 1-й статьи) или платой «за нь» (во второй части 1-й ст.). Слово «вира» встречается только в Правде Ярославичей (20 ст. Кр. ред.: «... вирное платити в ней же вири [верви] голова начеть лежати»). Однако 1 ст. Пр. ред. опять, давая новую редакцию 1 ст. Краткой Правды, не употребляет слова «вира». Появляется оно лишь в позднейшей — 3 ст. На этом основании целый ряд историков считали и считают до самого последнего времени, что вира — это какой-то позднейший платеж. Существует мнение, что этим словом обозначается штраф в пользу князя, а Русская Правда (Кр. ред.) записана до появления этого штрафа, когда виры якобы не было, и цена за жизнь убитого выплачивалась его родственникам и называлась головничеством. Еще немецкий историк Гетц на этом основании считал, что Краткая Правда появилась до Владимира Святого, который якобы «ввел виры». В последнее время А. А. Зимин вслед за А. Е. Пресняковым писал, что уже 1 ст. Кр. ред. знает и головничество («убьеть мужь мужа., то 40 гривен за голову») и виру, но последняя платилась только за княжеских дружинников-русинов (дружинник по мнению Зимина, мог быть воином-гридином, судебным и административным чиновником — мечником и ябедником, и, наконец, купцом)⁵. Обозначалась уплата виры словами «за нь».

Нам представляется, что вира была древним платежом, выражавшим еще во времена сложения обычного права цену жизни свободного человека. Вергельд, вира — все это суть родственные понятия, присущие всем варварским обществам⁶. В разное время вира могла уплачиваться в пользу различных судебных инстанций, высота ее также могла быть не фиксирована, но всегда она обозначала полную цену жизни свободного человека. То, что 1 ст. Русской Правды не употребляет слова «вира», вовсе не значит, что вира вообще не платилась в то время: выплата цены жизни за убийство свободного альтернативно с кровной мстью настолько вошла в правовой быт общества, что составители Правды иногда просто опускали определенный термин для ее обозначения, сами того не замечая.

Рассказ о реформе Владимира Святого уже говорит о вине как об обычном, вошедшем в быт институте. Владимир не ввел, а наоборот, сначала отменил их. Рассказчик здесь понимает виру как исконный институт, сложившийся с незапамятных времен, бывший «всегда». В. О. Ключевский дает необычайно тонкий разбор этого летописного рассказа. Он ясно показывает, что виры платились до Владимира, но шли не в пользу князя. Владимир же, заменив виру за разбой «казнью», ввел тем самым наказание, зависимое от княжеской власти, так как «казнью» назывались наказания, идущие в пользу казны. Раньше платило виру, по мнению Ключевского, общество, следовательно, общество же и получало виры. Второе постановление Владимира не отменяло первого, а напротив, продолжало его реформу: после этого второго постановления вира и за убийство не «в разбой» тоже начинает платиться в пользу князя. Оба эти постановления и есть продолжение политики отца и деда («и начаша жить по устроению отню и дедню»), так как все это — мероприятия по усилению княжеской власти, которую уже Игорь и Святослав стремились укрепить, судя и казня разбойников. Христианство Владимира отклонило его от этого пути, но затем, как

---

⁵ Götze. Das russische Recht, Stuttgart, 1912—1913. Точка зрения Гетца приводится по рецензиям А. Д. Преснякова (ЖМНП, 1912, ноябрь), А. Н. Филиппова («Юридический вестник», 1914, кн. IV); М. Р. Дьяконова («Изв. ОРЯС», 1911, т. XVI, кн. 1); М. Ф. Владимирского-Буданова («Университетские изв.», Киев, 1911, № 3); ПРП, т. I, стр. 161—172.

⁶ Об общем корне таких слов как «вира», «вергельд» см. у А. Н. Филиппова в его указанной рецензии на книгу Гетца.

рассказывает Повесть временных лет, старцы и епископы посоветовали ему вернуться к твердой политике его отцов⁷.

По договорам русских с греками, плата за убийство шла еще не князю, а родственникам убитого («ближнии убьенаго»). В договоре 911 г. подробно рассказана процедура расплаты за убийство: кровная месть и альтернативно выкуп в пользу родных убитого. Размер этого выкупа не фиксирован (это просто «часть» убийцы «аще будеть имовит»). Никакого другого платежа в пользу князя, по всей видимости, в то время не существовало, так как княжеский договор, несомненно, упомянул бы его гораздо скорее, чем частную уплату. Приведенный выше анализ Ключевского убедительно показывает, что именно этот частный платеж, шедший не князю, а обществу (в данном случае какому-то родственному коллективу) и назывался в то время вирой. Таким образом, сравнение летописного рассказа о «реформах» Владимира Святого и договора Руси с Византией (911 г.) показывает, во-первых, что вира существовала как альтернатива кровной мести и до введения княжеских штрафов, во-вторых, что до Владимира она платилась родственникам убитого, и, наконец, что Владимир начал взимать виры в свою пользу. Как говорилось выше, в Русской Правде мы видим и постепенную отмену кровной мести (которая существовала до второго съезда Ярославичей), и, таким образом, окончательный переход в руки князя суда и расправы по делам об убийстве.

Русская Правда содержит также ряд данных, позволяющих судить о природе и характере виры. Из ее текста вытекает, что вира — это цена жизни свободного человека, так как ст. 89 Пр. ред. говорит категорически: «А в холопе и в робе виры нетуть». В тексте Пр. ред. эта статья помещена рядом с постановлением об ответственности за убийство жены. В таком контексте ст. 89 звучит особенно определенно: если за женщину (подразумевается свободную), несмотря на ее пониженную дееспособность, все же хоть и в половинном размере, но платится вира, то уже за холопа и рабу она не взывается в любом случае.

Вира ко времени Русской Правды была единственным платежом за убийство. Ст. 30 Пр. ред., говоря об ответственности за жизнь человека, категорически указывает просто виру, не требуя наряду с ней никаких других платежей. Перечисляя различные случаи увечья от удара мечом, Русская Правда, предвидя возможность смертельного исхода, заявляет кратко и определенно: «потнеть ли на смерть, а вира». Сравнение формулировки этой статьи с предыдущими статьями, связанными общим сюжетом, показывает, что никаких частных вознаграждений наряду с вирой за убийство не вносится; при всех других, не смертельных увечьях такое частное вознаграждение тут же аккуратно упоминается (в этой же статье и в предыдущих 27—29). Таким образом, вира целиком покрывала представление о цене жизни свободного человека.

Какое же место в таком случае в плате за убийство занимало головничество, которое обычно понимают как возмещение родственникам убитого? Сверх виры, по всей видимости, оно не платилось. Об этом говорит и разбираемая нами 30 ст. да и то обстоятельство, что нигде больше в Правде (кроме ст. 5 Пр. ред.) не говорится о какой бы то ни было другой плате, кроме виры. Правда, А. А. Зимин считает, что 1 ст. Кр. ред. имеет в виду сначала убийство общинника («муж мужа»), за которого платится 40 гривен головничества, что обозначено словами «за голову», а затем убийство приближенных князя, за которых платится вира. Однако легко заметить, что выражение «за голову» совсем не обозначает «головничества», оно значит просто: «за труп», «за уби-

⁷ В. О. Ключевский. Боярская дума, изд. 3, М., 1902, Приложение, стр. 532—534.

того», «за мертвое тело»⁸. Так, по 1 ст. Пр. ред. как раз платится 80 гривен «за голову» княжа мужа, между тем сам же Зимин считает, что за княжа мужа головничество не платилось.

В западных варварских правдах частное вознаграждение родственникам убитого составляет долю вергельда, который, таким образом, распадается на несколько частей⁹. Но, по Русской Правде, вира, по всей видимости, целиком уплачивалась в пользу князя. На это в свое время указывал А. Е. Пресняков при разборе статей об отчислениях от виры, получаемых княжескими чиновниками. По 9 и 10 ст. Пр. ред. вирник получает 8 гривен от 40, и 16 — от 80; пропорциональная доля отчисления указывает на то, что все 80 гривен идут в княжескую казну.

Но что же имел в виду составитель Пр. ред., когда писал: «... а головничество самому головнику?» (ст. 5 Пр. ред.) Головщина, головничество — термин, по-видимому, довольно редко упоминаемый в источниках¹⁰. Знают этот термин позднейшие Новгородская и Псковская судные грамоты. Там головщиной называется убийство вообще как род преступления. «А кто кого утяжет в татбе с поличнымъ или в разбое... или в поголовщине...»¹¹, «а где оучинится головщина, а доличат коего головника ино князю на головникахъ взять рубль продажи»¹². За головщину взимается 1 руб. продажи (т. е. публичного штрафа в пользу казны). Этот рубль, конечно, никак нельзя понимать как цену жизни убитого, так как по Псковской судной грамоте даже «за бороду» полагалось 2 руб. (ст. 117). Указанный рубль, может быть, является платой, аналогичной неясному платежу «за голову» в 3 гривны, о котором говорит ст. 10 Пр. ред. Русской Правды: «а за голову 3 гривны» (1 руб. по позднейшей новгородской денежной системе как раз и равнялся 3 гривнам). Может быть, именно эти-то 3 гривны «за голову» как какое-то отчисление в пользу княжеского чиновника или казны, вносимое за само наличие состава преступления — убийства, и должен был платить сам убийца без помощи общины по 5 ст. Пр. ред.

Во всяком случае, чем бы ни являлось головничество, нам кажется, что это была какая-то гораздо менее значительная, чем вира, плата, не влиявшая на представление о ценности жизни человека. Цена жизни, являющаяся показателем социальной значимости человека в обществе, определялась только вирой — простой — 40-гривенной — для всякого свободного и повышенной — двойной — для привелигированных княжеских дружинников.

Встает вопрос, оценивалась ли и жизнь смерда такой же 40-гривенной вирой?

Речь о цене за убийство смерда (наряду с холопом) идет в ст. 26 Кр. ред. и в ст. 16 Пр. ред.¹³. По этим статьям за убийство смерда и холопа платится 5 гривен. Однако, по всей видимости, эти 5 гривен не являются публично-правовым штрафом за жизнь смерда. По месту этих статей в источнике (в Кр. ред. 26 ст. стоит среди статей, перечисляющих уроки за скот), а также потому, что публично-правовые штрафы в Русской Правде обычно вообще выражаются цифрой, кратной 3 (здесь же речь идет о 5 гривнах), можно заключить, что 5 гривен — это урок, возмещение господину за жизнь его зависимых людей — смерда и хо-

⁸ Так переводил, напр., В. Н. Сторожев (См. «Правда Русская», т. II, изд. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 242, 245, 301 и др.).

⁹ Плата сыновьям убитого (Erbsühne), плата ближайшим родичам (Mogsühne) и, наконец, плата королю (Fredus).

¹⁰ См. Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря древней России, М.—Л., 1937.

¹¹ «Новгородская и Псковская судные грамоты», СПб., 1888, ст. 33.

¹² Там же, ст. 96.

¹³ Некоторые историки полагают, что в этих статьях речь идет о смердем холопе. Возражение на это см. в комментариях Б. А. Романова к изданию «Правда Русская», учебн. пособие, М.—Л., 1940, стр. 50—51.

лопа (штраф же за жизнь холопа назначался по ст. 17 Кр. ред. и по ст. 89. Пр. ред.— 12 гривен). Таким образом, смерд здесь является не носителем права, а вещью, чужой собственностью, за нарушение которой виновный обязан платить возмещение владельцу. Собственно, даже Б. Д. Греков видит в данной статье смерда-зависимого; об этом слышном ясно говорят и место и строй самой статьи.

Правда, некоторые историки полагали, что 5 гривен— это и есть головничество, вносимое родным за убийство смерда как свободного общинника¹⁴. Мы ни в коем случае не можем присоединиться к такому толкованию. Во-первых, 5 гривен были бы слишком малым вознаграждением за жизнь свободного, так как, например, только за повреждение ноги частное возмещение равнялось 10 гривнам. Во-вторых, слишком непоследовательно говорить о головничестве, плате родным убитого, наряду с указанием урока за холопа и ни звука не упомянуть об этом там, где говорится о вирах, о головничестве и вообще об ответственности за жизнь свободного человека.

Для современника значение термина «смерд» было, конечно, ясно: составитель Правды прекрасно разбирался, в связи с какой категорией населения можно было трактовать об охране жизни смерда. И, однако, он ни разу не употребил этого термина, когда говорил об охране жизни простолюдина. 1 ст. (обеих редакций) знает целый ряд социальных категорий, статус которых равен статусу свободного: тут и муж (общий термин) и русин, и словенин и даже изгой (выходец из общины). Слово же «смерд» составитель не считал возможным и нужным употребить в этом случае. В 3 ст. Пр. ред., когда снова говорится об охране жизни простого свободного, составитель опять нашел нужным употребить другое слово для его обозначения. Ни разу не упомянут смерд и в статьях, говорящих об ответственности верви за убийство. Слово «смерд» в Русской Правде не упоминается ни разу в связи с вопросами, касающимися охраны жизни свободного, для обозначения последнего в широком или узком смысле. Таким образом, можно предполагать, что этим основным правом свободного общинника смерд не пользовался.

Другим важным правом-обязанностью свободного человека являются его судебные функции.

Известно, что свободная община в лице своих «людей», «мужей» играла большую роль в судебном процессе Киевской Руси. Без их участия не мог происходить и княжеский суд. Процесс, опрос свидетелей, «вчинение иска»— все это было делом непосредственно представителей свободной общины: свободных послухов, мужей, людей¹⁵. Дювернуа приводит старинный термин «мужевать»— судить, который показывает, что суд издавна был делом свободного мужа.

В Русской Правде имеется множество указаний на такое участие общины в суде. Тут и «извод пред 12 человека», перед которыми идет препирательство о «проке» (ст. 15 Кр. ред.), тут и послухи— свидетели доброй славы («послухи свободные») (ст. 30 Кр. ред., ст. 18, 29, 39, 85 и др. Пр. ред.), тут и «чужие люди», представители другой общины при гонении следа (ст. 77 Пр. ред.) и т. д.

Этих представителей общины на суде Правда обычно называет либо «мужи», либо «люди». Иногда специально подчеркивается, что это должны быть свободные мужи, свободные люди: «Паки ли будеть что татебно купил... то выведеть свободна мужа два или мытника»

¹⁴ См. Н. А. Рожков. Очерки юридического быта по Русской Правде. В его кн. «Из русской истории. Очерки и статьи» (Пг., 1923), стр. 144—145.

¹⁵ Об этом см. Н. Дювернуа. Источники права и суд в древней России, М., 1869; И. Грыцько. Участие общины в суде по Русской Правде. «Архив исторических и практических сведений», кн. 5, СПб., 1860—1861. А. А. Сухов. Обычно-народные и княжеские наказания по древнерусскому уголовному праву. «Юридический вестник», 1873, июль—декабрь; В. Г. Гейма в. Празо и суд. В кн. «История культуры древней Руси», т. II, М.—Л., 1951.

(ст. 37 Пр. ред.); «Аже иметь на железо по свободных людии речи...» (ст. 87 Пр. ред.). Требование свободного состояния для свидетеля выдвигает и ст. 66 Пр. ред.: «На послушество на холопа не складуют; но оже не будеть свободаго, то по нужи сложити на боярьска тивуна, а на инех не складывати» и т. д.

Но свободные люди, имея полное право участия в суде, должны были нести и всю полноту судебной ответственности перед княжеским судом выплатой виры и продаж, тогда как состояние несвободы отстраняло от выплаты судебных штрафов. Русская Правда говорит об этом с полной определенностью: «Аже будуть холопи татие... их же князь продажею не казнить, зане суть не свободни» (ст. 46 Пр. ред.). Правда, С. В. Юшков видит в этой статье отмену ранее существовавшей практики, по которой холопы платили продажи¹⁶. Но нам кажется, что статья эта не столько отменяет порочную практику (если она существовала), сколько, декларируя определенное положение, отражает исконные правовые представления Киевского общества. По этим представлениям дееспособность обязательно связывалась с состоянием свободы; холопы же были полностью недееспособны именно «зане суть несвободни»: они не имели никаких судебных прав, никаких публично-правовых обязанностей.

Если мы рассмотрим судебные права смерда, как они рисуются по Русской Правде, то увидим, что и в судебных правах и обязанностях, так же как и в отношении виры, смерд не занимал положения равноправного свободного, хотя и не был приравнен к холопу, как это имело место при обозначении пени за его жизнь. Скорее всего можно полагать, что смерды судились на каком-то особом суде и в общую правовую жизнь Киевской Руси включались лишь иногда. Об особом суде для смердов говорят, как нам кажется, ст. 33 Кр. ред. и 78 Пр. ред., трактующие о «муке» смерда. Слово «мука» в данной статье историками понималась по-разному. Некоторые полагали, что здесь речь идет об истязании в драке, о побоях и увечьях аналогично ст. 2—10 Кр. ред. и 23—31 Пр. ред.¹⁷. Нам кажется, что такая трактовка нарушает единство в понимании всего памятника в целом. Во-первых, если бы ст. 78 Пр. Ред. говорила именно об увечье, истязании в драке, то мы вправе были бы ожидать, что и стояла бы эта статья рядом с соответствующими статьями (23—31), трактующими о том же предмете, так как Пр. ред. всегда дает статьи согласно определенной, присущей ей системе. Во-вторых, при таком понимании этой статьи странно звучат слова о «княжем слове»: трудно предположить, чтобы князь давал разрешение на членовредительство в драке кого бы то ни было, тем более своего приближенного огнищанина (сам строй фразы говорит о том, что «княже слово» относится и к смерду, и к огнищанину). Нельзя предположить, что в данной статье говорится и о внесудебном истязании чужого зависимого человека¹⁸, ибо в этой связи статья не стала бы говорить об истязании огнищанина. Кроме того, в статье назначается сверх штрафа компенсация самому смерду «за муку» и при этом равная частной компенсации огнищанину, что было бы невозможно, если бы в данном случае смерд выступал перед нами как несвободный. Таким образом, нам кажется, что тут никак нельзя предположить, что имеется в виду какое-то случайное истязание или членовредительство, незаконное или совершенное в драке. Точно так же нельзя предположить, что «мука» являлась здесь каким-то наказанием, наложенным по суду¹⁹, так как

¹⁶ С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, М.—Л., 1939, стр. 63—64.

¹⁷ См., напр., С. В. Юшков. Очерки, стр. 107.

¹⁸ Б. А. Романов. «Правда Русская», учебн. пособие, Комментарии, стр. 52—53.

¹⁹ Так считают, напр., Н. А. Максименко, М. Ф. Владимирский-Буданов, В. И. Сергеевич (См. «Правда Русская», т. II, изд. АН СССР, стр. 199, 575).

древнерусское законодательство не знало наказаний членовредительством или вообще каких бы то ни было телесных наказаний.

В связи со всем вышезложенным нам представляется, что единственно правильное толкование разбираемой статьи давали те историки, которые считали, что «мука» — это средство дознания на суде: испытание железом или другое тому подобное действие²⁰. Русская Правда всегда именно в таком смысле и понимает слово «мука»: например, в ст. 85, где говорится о компенсации «за муку», если испытание железом производилось по свидетельству холопа, или в ст. 87, по которой «мука», «железо» производится по «речи» свободного. Пытка как средство дознания применялась и Яном Вышатичем при установлении виновности волхов в знаменитом летописном рассказе о восстании волхов на Белоозере²¹.

О таком значении слова «мука» говорит и место разбираемой статьи в Пр. ред. Статьи этой редакции всегда расположены в определенном логическом порядке. Они объединяются в группы, связанные единым сюжетом. Это положение подтверждается тем, что такие группы сохраняются и в списках, меняющих порядок статей Русской Правды (Синодальный список). Там статьи тоже идут не вперемежку, а распределяются теми же группами, соответственно определенной тематике, строй которой соответствовал тогдашним правовым представлениям. Разбираемая нами ст. 78 должна, таким образом, толковать о сюжете, близком к предмету статей своей группы (ст. 75—87), которая выступает слитно, не распадаясь, в списках, дающих разный порядок статей (например, по Троицкому и Синодальному спискам). Как полагал Б. А. Романов, это статьи, говорящие о делах «сельской жизни», внутренней жизни общины. Здесь идет речь о различных случаях нарушения частной и общинной собственности, а также подробно описывается процесс дознания по этим делам, в частности испытание железом свободного общинника по свидетельству холопа и по свидетельству свободного. В этой связи звучит вполне уместно и статья о дознании («о муке») для смердов (а также и для огнищан). Но если внимательно присмотреться к порядку дознания, «испытания железом», среди свободных и среди смердов, то мы обнаружим, что порядок этот совершенно противоположен, вопреки мнению тех историков, которые видели в запрещении «мучить» смерда «без княжа слова» охрану прав свободного деревенского жителя²².

Для доказательства нашего предположения сравним прежде всего формулировку статьи «о муке смерда» по Кр. ред. и по Пр. ред. Изменение ее не пошло по тому пути, как это было обычно при перередактировании статей Кр. ред., говорящих об общем княжеском суде. Так, обычно казуистический способ изложения Кр. ред. заменялся в Пр. ред. обобщением отдельных случаев и случайных терминов. Например, на смену описания отдельных судебных решений по делам приближенных княжеского двора — огнищанина, конюха и т. д. — пришли статьи, устраивающие в том же направлении судьбы вообще всех княжеских дружинников: термин «огнищанин» последовательно заменялся термином «княж муж». Однако в разбираемой статье этого не произошло. Здесь огнищанин так и остался огнищанином, и вся статья не только не получила более обобщенной формулировки, но, напротив, смысл ее еще детализировался и уточнялся: случай с «мукой» смерда стал разбирать

²⁰ Напр., Н. Ланге. См. «Правда Русская», т. II, изд. АН СССР, Комментарий, стр. 575.

²¹ «Повесть зременных лет» (ПВЛ), т. I, М.—Л., 1950, стр. 117—119.

²² Напр., В. И. Сергеевич. Русские юридические древности, изд. 2, т. I, СПб., 1902, стр. 182; М. А. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси, СПб., 1910, стр. 102; Н. А. Рожков. Очерки юридического быта по Русской Правде, стр. 129, 152.

тя не вообще, а только тогда, когда смерда «мучил» смерд. На основании этих наблюдений можно предположить, что эта статья не говорит об общем правиле, применявшемся на общем княжеском суде. На этом общем суде князь выступал как глава государства и судил всех свободных людей Киевской Руси. Княжеский суд включил в себя, частью видоизменив, нормы обычного права, отредактировав их, выражением чего и явилась редакционная работа составителей Русской Правды. Княжи мужи, осевшие на земле и потерявшие непосредственную связь с княжеским двором-огнищем, также в какой-то мере могли судиться на этом общем суде. Необычная же формулировка разбираемой статьи указывает на то, что здесь речь идет об особом суде княжеского огнища, где продолжали судиться лица, приближенные к князю, огнищане в узком смысле слова, и где князь выступал уже просто как вотчинник, судя по своим особым внутренним нормам. В таком же положении здесь выступают и смерды: они судятся на том же особом суде, что и огнищане. В этом же смысле можно понимать и поведение волхвов в летописном рассказе о суде Яна Вышатича над восставшими на Белоозере смердами. Ян Вышатич, явившись на Белоозеро собирать дань, тем самым представлял собою и княжеский общий суд. Однако волхвы не желали судиться на общем суде, а хотели «стати пред Святославомъ», т. е., будучи смердами Святослава, считали себя в праве судиться на особом княжеском суде²³.

Но всего этого еще мало. Особый порядок дознания для смердов станет особенно ощутим, если мы проследим, какое место занимал в общем княжеском суде процесс дознания как во время действия Краткой, так и Пространной редакции.

Все добавления, внесенные в Пр. ред., знаменуют собой расширение компетенции княжеского суда. По Краткой Правде, князь выступал только как судья, взимающий штрафы. Весь же процесс: вчинение иска, препирательство сторон, установление виновности и т. п.— все это, как показал еще труд Дювернуа, проходило помимо вмешательства князя, проводилось на местном суде по неписаному обычному праву. Соответственно этому все подробности ведения судебного процесса не получили отражения в Краткой Правде. Однако с усилением княжеской судебной власти, ярким выражением чего явилась отмена кровной мести, расширилась и компетенция княжеского суда. Но княжеская правда не столько, по-видимому, устанавливала новые нормы, сколько включала в свою орбиту уже готовые установления устного обычного права, применявшиеся ранее не на княжеском суде.

Таким образом, по Пр. ред. княжеский суд начинает ведать розыском убийцы (процессом дознания), делами о долгах и процентах, взаимоотношениями зависимого человека с его господином, семейным правом (порядок наследования) и т. п. Соответственно этому Кр. ред. и Пр. ред. с разной степенью подробности освещают и сам процесс дознания.

Пр. ред. очень детально и в нескольких местах говорит о порядке испытания железом; имеются даже определенные отчисления («железное») в пользу княжеских отроков, наблюдающих за этим процессом, который, таким образом, в это время уже прочно вошел в ведение княжеского суда, тогда как в период действия Краткой Правды этого еще нет. Она ничего не говорит ни об испытании железом, ни о других видах «божьего суда» (глухо упоминает лишь о роте). Однако известно, что испытание железом не было введено в действие только Пространной Правдой. «Божий суд» был широко распространен во всех варварских обществах но, судя по умолчанию Краткой Правды, в то время он не находился еще в ведение княжеского суда, а протекал перед другой судебной

²³ Об этом же пишет, напр., Н. А. Максименко в своей статье «Про смердів (см. «Правда Русская», т. II, изд. АН СССР, стр. 203).

инстанцией — судом местным, проходившим без участия княжеских представителей. По-видимому, это те же «12 человек», перед которыми происходил, напр., «извод» по ст. 15 Кр. ред. Таким образом, по Краткой Правде, «мука» свободного человека, как и вообще весь процесс следствия, протекала не перед княжеским судом. Однако «мука» смерда, испытание железом смерда запрещалось «без княжа слова» уже и по Краткой Правде (т. е. входило в ведение князя), тогда как «мука свободного делом князя во времена действия Краткой Правды еще не была. «Мука» смерда входила, по всей видимости, в ведение князя не как судьи на общем, а как судьи на его внутреннем «огнищном» суде, где решались дела княжеских приближенных и зависимых людей. Тот, кто «мучил смерда без княжа слова», карался, таким образом, за нарушение внутреннего княжеского суда. Все это подтверждается и всем порядком испытания железом свободного, как он и описан в Пространной Правде. Там совершенно четко установлен круг дел, по которым это средство дознания применяется даже «из неволи», насильно. К испытанию железом простого свободного приступали совершенно автоматически, по неизменно действующему закону: ни о каком дополнительном «княжем слове», княжеском разрешении, появляющемся спорадически, не говорится ничего. Для «муки» свободного человека «княже слово» дано было раз и навсегда самой Русской Правдой (Пр. ред.). При «муке» же смерда «княже слово» обозначало княжескую волю, не установленную правом, а проявлявшуюся как частная воля господина на внутреннем суде.

Совокупность всех этих наблюдений достаточно полно, как нам кажется, подтверждает нашу гипотезу о том, что смерд в Киевской Руси судился не на одном и том же суде со всяким свободным человеком, а значит, и в этом случае нельзя ставить знака равенства между свободным общинником и смердом Русской Правды.

Однако во время действия Русской Правды смерды иногда включались в сферу действия общего княжеского законодательства. Об этом говорит ст. 45 Пр. ред., где после перечисления уроков (частных компенсаций, уплачиваемых владельцу сверх штрафа) за скот прибавлено, что и смерды платят эти уроки, если они платят продажи — княжеские штрафы: «то ти уроци смердом, оже платять князю продажу». Б. Д. Греков и другие историки совершенно справедливо замечали, что условная форма этой фразы («оже платять») говорит о том, что смерды не всегда платили продажу, что платили ее только некоторые из них, в то время как другие, не обладая полноправием, не обязывались точно так же и полностью отвечать за свои преступные действия, не платили княжеских общих штрафов, тем самым не платя и обычных уроков. Б. Д. Греков считал, что смерды, платящие продажу, это остатки свободного сельского населения Киевской Руси, в то время как многие смерды уже не платят продаж, так как они попали в личную зависимость от князя и других феодалов и потеряли свою дееспособность на общем суде. Совершенно противоположного мнения придерживался Б. А. Романов²⁴, полагавший, что первоначально смерды вообще не платили продаж, и лишь постепенно некоторые из них, включаясь в правовую жизнь Киевской Руси, начинали подвергаться и общим наказаниям. Последняя точка зрения нам представляется гораздо более правильной, так как иное толкование ст. 45 идет вразрез со всем строем Русской Правды. Ни в одной ее статье, говорящей об ответственности за уголовные преступления, не говорится о том, кто является субъектом разбираемого преступления, никак не обозначается социальный статус этого лица. И такой строй памятника неизбежно вытекает из самого духа правового мышления того времени. Субъектом преступления, во-

²⁴ Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси, Л., 1947, стр. 116, 129.

обще субъектом права в Русской Правде, являлся просто «всякий», «каждый», «некто», полноправный свободный. Человек, несущий ответственность за преступления перед общим судом, нигде не называется ни людином, ни смердом, ни закупом, ни холопом, ни дружинником. Эти последние определения даются только тогда, когда устанавливаются изъятия из общих правил. Соответственно этому, как нам кажется, следует понимать и 45-ю статью Пространной Правды. Заголовком «А се уроци скоту» статья устанавливает уроки, обязательные для всех вообще, для каждого свободного человека совершенно так же, как и во всех предыдущих статьях (40—45), идущих под заголовками: «О татбе», «О татбе же». Затем эти общие статьи заключаются ст. 46, говорящей об ответственности за такие же преступления, но совершенные холопами: «Аже будуть хлопи татбе, суд княжь». Только в связи с предыдущими статьями (т. е. как исключение из общего правила, установленное в них) и можно объяснить, почему статья о холопах попала в это место памятника, в отрыве от основной массы статей, говорящих о холопах (так называемого «устава о холопах»). Фраза же об уроках смердам явилась противопоставлением положению о холопах. Смысл ее таков: холопы не платят продаж, «зане суть не свободни», а уроки («ко истьцю за обиду») платятся в двойном размере («двоиче»); смерды же, когда они платят продажу («оже платять князю продаю»), вносят такие же уроки, как и все прочие свободные люди, которые именно как таковые и платят княжеские штрафы и уроки. В этом смысле правильнее было бы присоединить конец ст. 45 к следующей статье, так как обе они говорят о категориях, являющихся исключением из общего правила. Таким образом, положению смерда по этой статье гораздо больше соответствует гипотеза Романова, так как 45 ст. в основной своей части говорит не о смердах, а о каждом свободном, о людях вообще.

Итак, наблюдения о порядке подсудности общему суду также убеждают в том, что смерда киевского периода никак нельзя принять за свободного общинника, так как последний занимал в Русской Правде то же место, что и всякий полноправный свободный.

В свое время Б. А. Романов, анализируя положение, занимаемое смердами в военной системе Киевской Руси, пришел к совершенно аналогичному выводу²⁵: смерды не входили в общее ополчение свободных людей, собираемое по воле веча и не подчиняющееся князю. Если они и участвовали в военных походах, то, по-видимому, только отдавая своих коней или создавая отдельные пешие части, выступавшие уже непосредственно под началом князя. Останавливаясь далее на значении веча в Киевской Руси, Б. А. Романов приходит к выводу, что сила его основывалась именно на том, что в вече участвовали не только горожане, но и все свободное сельское население данного округа. При этом смерды-то как раз и не входили в это число, так как именно на их военные силы опирался князь.

По тексту Русской Правды можно сделать вывод, что всякий свободный, в том числе и свободный общинник, в Киевской Руси был вооружен. Высокие штрафы за увечья и удары, наносимые оружием, правильнее объяснить внутренним строем памятника, а не повышенным чувством чести в дружинной среде; смотреть на Русскую Правду как на нечто вроде «кодекса чести», напоминающего кодексы западноевропейского рыцарства XI—XII вв., нет никаких оснований²⁶. «Кодекс чести» мог выработаться только при уже

²⁵ Б. А. Романов. Смердий конь и смерд. «Изв. ОРЯС», 1908, кн. 3, т. XIII.

²⁶ Б. Д. Греков, напр., говоря о первой части Кр. ред. и недооценивая несомненно существовавшее право всех свободных носить оружие полагал, что здесь выступает дружинник-рыцарь, именно на том основании, что он вооружен: имеет меч, оружие, одежду (Б. Д. Греков считает ее боевой одеждой), коня (которого он называет боевым конем) (Б. Д. Греков. Киевская Русь, М., 1933, стр. 92). То же положение прово-

сложившемся и вполне оформившемся феодализме с его иерархией, сложными взаимоотношениями сюзерена и вассала и т. п. Русская Правда же, как мы старались показать в предыдущем разборе, содержит множество черт еще дофеодалных отношений. Это — общее законодательство, обязательное для всех членов общества, простых свободных, определенную часть которых составляли и свободные общинники. Многие статьи Русской Правды устанавливают наказания за самые обыденные кражи, происходившие в деревне: кражи скота, молока из удоя чужих коров, сена, дров, жита с поля и из закровов и т. д.; нарушение общинной собственности, перепашку чужой межи и пр. Все эти преступления вряд ли могли совершаться рыцарями — они не пахали и не доили коров. Соответствующие статьи, совершенно очевидно, не могли быть сюжетом «кодекса чести» в рыцарской среде. Но статьи Русской Правды, говорящие о драках, об ударах мечом, об использовании чужого коня и пр. (т. е. те статьи, которым некоторые историки именно и приписывают урегулирование отношений в дружинной среде) имеют в виду то же действующее лицо, что и другие части нашего памятника и стоят с ними и логически, и сюжетно, и генетически в едином ряду. Они не могут говорить о разных социальных группах с различным правовым статусом. Иначе нужно было бы признать, что в Русской Правде мы имеем дело не с действовавшим когда-то общим законодательством, а с частным литературным сборником (как полагал еще Сергеевич²⁷), где составитель хаотически записывал случайно приходившие ему на память отрывки разновременного и в различной среде действующих правд. Считая Русскую Правду памятником официального происхождения (как справедливо доказывает советская историография), нельзя предположить, что одни ее статьи говорят о дружинниках, в то время как другие, рядом стоящие и описывающие действующее в них лицо в одинаковой форме, говорят уже об общинниках. А между тем именно, так полагают те историки, по мнению которых получается, что драка мечом и рогом могла происходить только в дружинной среде, тогда как, если дерущийся брался за дреколье (дрался «жердью» или «батогом»), то это выдавало уже простого человека, не подпадавшего под правила «кодекса чести».

В современной историографии нет единого мнения на этот счет. Так, например, А. А. Зимин считает, что Правда Ярослава дана была как привилегия новгородским простым мужам и охраняла их от буйств дружины²⁸. Л. В. Черепнин, напротив, полагает, что в 17 первых статьях Кр. ред. «речь идет и о столкновениях внутри господствующего класса... и, возможно, об оскорблении рыцарской чести крестьянами-общинниками», т. е., по его мнению, Правда охраняет уже дружину от общинников²⁹. Наконец, Б. Д. Греков видит в этих статьях «кодекс чести», регулирующий отношения только дружинной среды³⁰. А между тем, если рассматривать статьи, говорящие об ударе мечом, в связи со всеми другими статьями Правды, в которых имеется в виду то же действующее лицо, выраженное в большинстве случаев одинаково без указания социального статуса, то мы увидим, что и в разбираемых статьях

дит и А. А. Зимин в своих комментариях к учебному изданию Русской Правды (ПРП, т. I, стр. 88—89). Он не считает, в противоположность Грекову, что мужи всех первых 17 статей Краткой Правды — это мужи-рыцари, и, однако, упоминание оружия, рога и т. п. заставляет его весьма непоследовательно делать вывод, что это «обычное вооружение дружинника», и что соответствующие статьи (3—9) «защищали честь и достоинство феодальной верхушки».

²⁷ В. И. Сергеевич. Русская Правда и ее списки. ЖМНП, 1899, январь, отд. 2, стр. 1—41; Его же. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910, стр. 24—27.

²⁸ А. А. Зимин. Указ. статья.

²⁹ Л. В. Черепнин. Русская Правда и Летопись как источники по истории классовой борьбы. Сб. «К 70-летию акад. Б. Д. Грекова», М., 1952, стр. 91.

³⁰ Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 92.

лицо — это тот же простой равноправный свободный, обозначаемый термином «людин» и понимаемый как «некто», «всякий», «каждый», права которого имеет и всякий свободный общинник³¹. Право свободного общинника носить оружие и превращало в действительную силу народное ополчение и вече, которое им распоряжалось³².

Нам остается остановиться на праве собственности свободного общинника Киевской Руси. Мы лишь бегло коснемся этого вопроса, так как характер собственности, права общинника на аллод и общинные земли, характер общины — все это должно служить темой самостоятельного исследования и не может войти в рамки настоящей статьи. Однако попытаемся все же выяснить некоторые общие положения. Прежде всего, чью собственность охраняет Русская Правда? Много статей посвящено охране движимой собственности — скота, птицы, одежды, оружия и т. п.; продуктов земли — зерна, сена; есть статьи и о нарушении недвижимости — размежеванной и обрабатываемой земли, борти, леса с помеченными деревьями. Кому же принадлежит эта собственность? В ответе на этот вопрос в настоящее время у историков нет полного единства. Многие выделяют из состава всей Русской Правды, говорящей, видимо, об охране собственности всего населения, Правду Ярославичей и считают, что она является не общим законом, а уставом княжеского хозяйства, княжеской вотчины. Некоторые сравнивают ее даже с «*Capitularae de villis*» Карла Великого³³. Охраняет Правда Ярославичей, таким образом, княжескую собственность. Полагают далее, что впоследствии, в Пространной Правде, нормы этого устава были перенесены на нормы общего суда и стали, таким образом, охранять и собственность всех свободных. Однако сравнение Правды Ярославичей с «*Capitularae de villis*» не кажется нам обоснованным. «*Capitularae de villis*» судит дела людей, принадлежащих к королевскому домену, на внутреннем вотчинном суде. В Правде Ярославичей же, мы, наоборот, имеем дело с включением дел об убийстве княжеских приближенных, княжеских дружинников, а также княжеских слуг в общий суд. Уже в самом заголовке 19 ст. Краткой Правды, открывающей Правду Ярославичей, декларируется: «Правда установлена руськой земли...», т. е. речь идет об общем законе, точно так же как и первая часть Краткой Правды названа «Правда роськая». Предположение, что это означает княжеские поместья, разбросанные по всей Русской земле (как полагает А. А. Зимин), является, на наш взгляд, искусственным. Ничем не подкреплено и представление, что охотничий пес, водоплавающая птица и т. д. — все это собственность лишь княжеского хозяйства. Нет и достаточных данных о том, что ст. 28 охраняла обязательно только княжеские межи. Штрафы за их нарушение были без изменений перенесены в Пространную Правду и взимались по ней за нарушение земель, принадлежащих каждому. Следовательно, величина штрафа в данном случае вовсе не зависела от того, кому принадлежали земли³⁴.

Если бы Правда Ярославичей относилась только к княжескому хозяйству, то можно было бы ожидать, что она и была бы названа княжеской правдой в самом же заголовке. Тогда в дальнейших статьях не нужно было бы каждый раз указывать, о чьей собственности идет речь. На самом деле мы имеем обратное: Правда обозначается как «Правда руськой земли», и каждый раз специально оговаривается, когда речь идет о княжеской собственности: «А в княжи тивуне 80 гривен», «А в

³¹ Б. Д. Греков же оговаривается, что оружие мог иметь как муж-рыцарь, так и простой общинник (Б. Д. Греков, Киевская Русь, стр. 94, прим.).

³² Как показал Б. Д. Греков в статье «Князь и правящая знать в Киевской Руси», вече в то время — остаток дофеодальных народных собраний («УЗ ЛГУ», 1939, № 32, серия ист. наук, вып. 2).

³³ Б. Д. Греков, Киевская Русь, стр. 90.

³⁴ ПРП. т. I, стр. 94, 102.

рядовници княже 5 гривен» и пр. Когда же речь идет об уводе холопа вообще, то так и сказано: «А оже уведеть чужь холоп...» — эти слова были бы неуместны в княжеском уставе. Так же неуместна была бы и ст. 30 — «Аще же приидеть кровав мужь...», она имеет совершенно явно общий смысл. Таким образом, нам кажется, что нормы Правды Ярославичей имеют то же распространение, что и нормы всей Русской Правды. Они регулируют взаимоотношения приближенных князя со всем прочим свободным населением. В остальном же они охраняют собственность того же субъекта, жизнь и личность которого охранялась в других, разбираемых ранее статьях. Это тот же простой свободный и одновременно тот же свободный общинник.

Строй права Русской Правды и в этом смысле является общим строем обычного права, а не правом-привилегией. По феодальному праву-привилегии прежде всего была бы введена различная охрана привилегированной и непривилегированной земельной собственности как основы производства феодального общества (такую картину мы и видим в судебныхниках XV—XVI вв.). В Русской Правде очень подробно перечисляются штрафы за нарушение различных видов земельной собственности. Даже в более лапидарной Краткой Правде (ст. 34) различается два вида нарушения межей: «межу переореть», т. е. нарушитель перепахивает межу пахотного поля; и «перетес», т. е. стесывание отметки на дереве, помеченном в лесу или обозначающем межу. В Пространной Правде (ст. 72, 73) перечисление еще подробнее: тут и межа бортная, и межа ролейная-пашенная, и дворная, т. е. межа, отделяющая приусадебный участок; различаются и два вида деревьев, охраняемых как частная собственность: дуб «знаменный», т. е. помеченный в лесу, и «межный», т. е. отмечающий межу. Но нигде, ни в Краткой, ни в Пространной Правде, не оговаривается при этом, чья собственность нарушена. Собственник этих земель также «всякий», «каждый», «некто», как и нарушитель, обязанный отвечать за свои поступки перед общим судом. Это тот же простой свободный, тот же свободный общинник, с которым мы имеем дело в подавляющем большинстве статей Русской Правды.

Однако при чтении Русской Правды бросается в глаза статья о смердье и князем коне (ст. 28 Кр. ред.). Может показаться, что здесь идет речь о различной охране собственности князя и смерда. Так и полагают многие историки. Если бы это было так, мы, конечно, должны были бы согласиться, что действительно в этом случае под именем смердов выступает все простое свободное население в противоположность князю. Но если мы всмотримся в весь строй Русской Правды в целом, то увидим, что это не так. Как можно было уже убедиться, нигде в других статьях наказания за нарушение собственности — даже земельной — не дифференцируются в соответствии с социальным статусом владельца. При перечислении пеней за кражу скота, птицы, оружия и одежды или за увод чужого холопа и т. д. нигде не обращается внимание на то, кому принадлежит украденное. Даже при наказании за кражу того же коня по ст. 12—13 Кр. ред. и ст. 33—34 Пр. ред. назначается единый штраф, независимо от принадлежности этого коня. В статье же 28 Кр. ред., где указаны разные платежи за смердьего и княжеского коня, мы имеем дело не с общими штрафами, а с уроками, выплачиваемыми как частное возмещение владельцу вещи, если сам вор не был пойман (не было «лица»). Так, в статье 13 Кр. ред. оговаривается случай, когда украденная вещь возвращалась владельцу: «взяти ему свое, а 3 гривне за обиду», т. е. 3 гривны уплачивались сверх стоимости вещи. На случай же, когда вещь не возвращалась владельцу, и вводилась ст. 28, устанавливающая уроки. Аналогичное значение имела статья 45 Пр. ред., где прямо сказано: «Паки ли лица не будеть». Однако, как мы можем проследить, частные возмещения по Русской Правде никогда не зависели от социального статуса обиженного лица:

так, при наказании «за муку» смерда и огнищанина, где за первого берется штраф вчетверо меньший, чем за второго, в качестве частного возмещения («за муку») обоим полагается все-таки одинаковая гривна кун. Дифференцируется же при установлении уроков, напротив, качество украденного и при этом очень подробно и разносторонне. Не лучше ли и здесь предположить, что различная плата за смердьего и княжего коня связывалась именно с различными видами, различным качеством (а не принадлежностью) этих коней. Думается, что это как раз и есть то объяснение, которое, устраняя все кажущиеся противоречия, вскрывает существо дела в этой, так трудно объяснимой статье. Княжий конь — это лучший конь, возможно конь из княжеского завода — табуна («иже той с пятном»), это, возможно, конь военный, тот, которого поминает Правда — в другой связи — как «войскового» коня (ст. 57 Пр. ред.). Смердий конь — это конь обыкновенный, про которого составитель Пр. ред. счел возможным сказать: «а за инех»; это простой пашенный «деревенский» конь, конь, выполняющий смердью работу. Именно поэтому владельцу и возмещается разная стоимость за одного и за другого коня, точно так же как возмещается разная стоимость за различное качество прочего скота, помечаемое очень подробно.

Таким образом, и в ст. 28 Кр. ред. «смерд», с нашей точки зрения, не является термином, обозначающим все свободное население Киевской Руси, и данная статья не нарушает нашей общей концепции о положении и обозначении свободного общинника в Киевской Руси.

* * *

Мы рассмотрели ряд общих прав, которыми пользовался свободный общинник как представитель полноправного свободного населения Киевской Руси во время составления и действия Русской Правды, т. е., как обычно принято считать, в XI—XII вв. Обладание такими правами, как высокий вергельд — охрана жизни, участие в суде, право носить оружие, охрана собственности — характеризует его как носителя всех основных норм господствующего общего права и, таким образом, роднит его положение с положением свободного в варварских правдах Западной Европы. Нам представляется, что советские историки, исследующие генезис феодализма на Руси, невольно обращали большее внимание на черты феодализации, выступающие в источниках изучаемого периода, чем на следы дофеодального уклада, по-видимому, долго существовавшего на Руси наряду с утверждающимся феодализмом. А между тем разбор Русской Правды, проведенный в настоящей работе, позволяет, как нам кажется, заключить, что черты дофеодального уклада, наряду со многими свидетельствами феодализации, были еще очень значительны в данный период. Это обстоятельство следует считать одной из основных особенностей генезиса феодализма на Руси и объяснять всей совокупностью местных условий, в которых этот процесс протекал. Устойчивость дофеодального уклада, в свою очередь, несомненно повлияла на дальнейший ход политической и социальной истории древней Руси.

